

# Глава I. Предсознание

За пределом сознания находится обширная область предсознания. Последняя заключает в себе много таинственного, привлекающего внимание психологов и прочих мыслителей, оказавших своими трудами огромное влияние на идеи нашего времени. По их вычислениям едва только десять процентов ежедневного процесса мысли производятся сознательно, остальная же мыслительная работа совершается в области

"бессознательного", или предсознания. Так называемое сознательное мышление является лишь вершинами скал, поднимающихся со дна океана. Мы находимся как бы в темном лесу в беспросветную ночь, наши факелы бросают только незначительный круг лучей, вне которого более широкое кольцо полутеней, а далее идет уже непроглядная тьма. Между тем, в этой-то тьме и полутенях совершается громадная работа, и ее результаты, когда это нужно, врываются в световой круг, называемый сознанием.

Вполне ясных представлений о природе памяти или о законах, управляющих способностью помнить и вспоминать, мы еще не имеем, хотя нам и известно нечто в отношении обширной области разума, называемой психологами предсознательным полем мышления<sup>\*</sup>. Прежде думали, что разум сознат все, в нем происходящее, но лучшие современные мыслители признают теперь, что в процессе мышления самосознание является лишь незначительной частью. Очень значительная роль в сфере мышления отводится также предсознательным идеям, впечатлениям, чувствам и мыслям. В настоящее время установлено, что всякий сознательный акт имеет за собой многое, что лежит в сфере предсознательной; иначе говоря, за каждым сознательным действием скрывается что-то другое, относящееся к предсознанию<sup>\*\*</sup>.

За пределом сознания находится обширная область предсознания. Последняя заключает в себе много таинственного, привлекающего внимание психологов и прочих мыслителей, оказавших своими трудами огромное влияние на идеи нашего времени. По их вычислениям едва только десять процентов ежедневного процесса мысли производятся сознательно, остальная же мыслительная работа совершается в области

"бессознательного", или предсознания. Так называемое сознательное мышление является лишь вершинами скал, поднимающихся со дна океана. Мы находимся как бы в темном лесу в беспросветную ночь, наши факелы бросают только незначительный круг лучей, вне которого более широкое кольцо полутеней, а далее идет уже непроглядная тьма. Между тем, в этой-то тьме и полутенях совершается громадная работа, и ее результаты, когда это нужно, врываются в световой круг, называемый сознанием.

Память - это прежде всего одна из функций нашего предсознательного мышления.

Громадная кладовая памяти именно и находится в обширной области предсознания. От момента получения какого-нибудь впечатления и до момента вторичного его появления в поле сознания работают силы предсознания. Так получается и откладывается нами впечатление.

Куда же оно откладывается? Не в область сознания - тогда бы оно было всегда перед нами, но укладывается именно в область предсознания между другими впечатлениями и так старательно, что мы с трудом находим его, когда оно понадобится.

Где же лежит оно иногда целыми годами, отделяющими момент откладывания в сторону впечатления от момента следующего за этим извлечения его? В громадной кладовой предсознания. Что же происходит, если мы хотим вызвать какое-либо впечатление снова? Воля приказывает рабочим, занимающимся со дна этой кладовой, отыскать и вынести на свет когда-то спрятанное впечатление.

Чем тщательнее научились они прятать полученные им вещи и замечать их места, тем скорее при надобности они вынесут их на свет.

Нельзя рассматривать сознание как синоним разума. Если рассматривать сознание и разум как понятия равнозначные и исключить понятие предсознания, то нам нет возможности объяснить, где в продолжении известного состояния сознания находится остальная часть разума; куда скрылись все прочие части умственного орудия, кроме тех, что находятся в употреблении. Поле сознания в отдельные моменты очень ограничено, как будто глядя в телескоп или микроскоп, мы видим только то, что находится в поле зрения нашего прибора; все остальное в это время как бы не существует. Разум воспринимает идеи, мысли, впечатления постоянно, но мы их еще не осознаем, пока они не появляются в поле сознания.

Есть предположение, что всякое полученное впечатление, всякая возникающая мысль, всякий совершаемый поступок - где-нибудь да остаются в предсознательном складе нашей памяти, и, следовательно, ничто не забывается окончательно. Многое, по-видимому, уже совершенно забытое в течение нескольких лет, приходит снова в область сознания,

вызываясь ассоциацией мыслей, желанием, необходимостью или усилием. Конечно, многие умственные впечатления никогда не вернутся в область сознания, потому что не представляется необходимости к этому, но они останутся навсегда в области предсознания, властно влияя на наши мысли, идеи и действия. Другие впечатления в ожидании своей очереди будут скрыты в тайниках памяти, подобно свету и теплу, скрытым в пластах каменного угля, лежащего на обнаженных слоях земной поверхности и ожидающего времени, когда он будет употреблен в дело.

В отдельные моменты вами осознается лишь очень небольшая часть того, что сохраняется в нашей памяти. Многое, являясь как бы забытым и что мы часто силимся припомнить, возвращается иногда помимо нас в область сознания как бы по собственному произволу. Мы часто стараемся вспомнить какую-нибудь вещь, но она ускользает и мы прекращаем усилия, но спустя некоторое время эта мысль вдруг ярко вспыхивает в нашем сознании. Кажется, что наше желание вспомнить что-нибудь побуждает к труду молчаливых работников предсознания, а потом, когда мы уже совсем забыли это желание, они возвращаются, торжественно принося желаемое впечатление. Кроме того, случайное слово постороннего лица в состоянии открыть нам обширное поле воспоминаний, давно уже утерянных нами из вида. Мы часто видим во сне давно забытые лица, слышим и узнаем их голоса, звук которых уже давно забыт. Многие случаи так забываются, что, кажется, никакое усилие воли не может вызвать их снова, но однако они крепко держатся где-нибудь в предсознании, и какой-нибудь выходящий из ряда вон побудитель, усилие или особое физическое состояние выносит их снова на поверхность с такой ясностью, как будто они только что произошли.

В бреду горячки люди говорят о том, что ими давно забыто и о чем они едва ли вспомнят по выздоровлении, но что, если справиться, окажется действительно бывшим в их молодости или детстве. Утверждают, что перед глазами утопающего возникает вся его прошедшая жизнь, и много интересных заметок по этому поводу собрано в известнейших трудах по психологии. Сэр Френсис Бофор, спасенный из воды, утверждает: "Каждый случай моей жизни, казалось, проносился в моей памяти в обратной последовательности, картина ширилась и я видел перед собой будто панораму всей своей жизни".

Колридж рассказывает, что одна молодая женщина, не умеющая ни читать, ни писать, но заболевшая горячкой, заговорила по латыни, по-гречески и по-еврейски. Записаны были целые цитаты; крайне затруднительно было разобрать смысл последних, ввиду слабой связи их друг с другом. Лишь немногие из еврейских фраз ее можно было отнести к библейским изречениям, прочие же скорее принадлежали языку раввинов. Женщина эта была крайне невежественна, почему и не могло быть речи об обмане, и ее сочли бесноватой. Один врач, сомневавшийся в возможности такого беснования, решился раскрыть эту тайну и после многих усилий узнал, что она с девяти лет была в услужении у старого священника. Последний имел привычку ходить взад и вперед по галерее, смежной с кухней, и цитировать вслух тексты из сочинений раввинов, а также греческих и римских отцов церкви. Ознакомившись с его книгами, нашли в них все произнесенные девушкой стихи. Горячка явилась побудителем для предсознания, чтобы обнаружить некоторые из старейших его сокровищ.

Карпентер рассказывает об одном английском священнике, посетившем замок, в котором, насколько он помнил, никогда прежде не был. При приближении к воротам ему почудилось, что он был здесь когда-то и видел, как ему казалось, не только ворота, но и ослов у арки, и людей на верху ее. Пораженный таким обстоятельством, он, спустя некоторое время, обратился к своей матери, надеясь, что она сможет объяснить отчасти это приключение. Она рассказала, что когда ему было года полтора, она отправилась с ним в большой компании в этот замок, посадив его на осла; часть компании села завтракать под аркой, а ребенок был оставлен внизу с прислугой и осликами. Вид ворот при вторичном посещении вызвал старые воспоминания детства, показавшиеся ему сном.

Аберкромби говорит об одной даме, доживавшей свои дни в деревне. Из Лондона к ней привезли проститься ее маленькую дочь и после короткого свидания увезли обратно. Мать умерла, а дочь выросла, совершенно не помня свою мать. В преклонном возрасте ей случилось посетить снова тот дом, где умерла ее мать и войти даже в ту самую комнату, не зная, что именно здесь она скончалась. Войдя в комнату, она остоленела, а когда присутствующее при этом лицо спросило о причине ее испуга, она сказала, что вполне ясно вспоминает, что когда-то была здесь и что дама, лежавшая в противоположном углу и, по-видимому, опасно больная, склонилась над ней и плакала. Итак, впечатление оставалось в кладовой предсознания детского разума, будучи неизвестным, пока его владелица уже сама не достигла преклонных лет и при виде комнаты не возобновила снова это впечатление, а память выдала одну из своих тайн.

Вот самые убедительные доказательства того, что ничто не забудется совершенно, если только воспринято разумом. Никакое впечатление, раз пережитое, не прекратит своего существования. Оно не затеряно, но только потускнело и продолжает существовать по ту сторону области сознания, куда снова может возвратиться много времени спустя усилием воли или ассоциацией.

Хотя многие воспоминания и не возобновляются никогда, ни при посредстве воли, ни при посредстве ассоциации, но впечатление все-таки существует и влияет так или иначе на наши мысли и действия. Если бы можно было спуститься в глубину предсознательного мышления, то мы нашли бы там всякое полученное когда-нибудь впечатление, каждую мысль, возникшую в нас, и воспоминание о каждом своем поступке. Все это заключается там, хотя и невидимым, но оказывающим свое влияние на нас. Благодаря нашим вчерашним мыслям, словам и действиям, благодаря тому, что мы видели и слышали, мы и являемся сегодня таковыми, а не иными.

Человек есть результат своего прошедшего. Нет ни одного впечатления, поступка или мысли в нашей прошедшей жизни без того, чтобы они не имели своей доли влияния на образование интеллектуальных или моральных особенностей нашей жизни. Наши настоящие мысли и мнения являются в значительной степени следствием длинного ряда незаметных опытов прошедшего, хотя давно забытых и никогда не приходящих нам на память.

В последующих главах этой книги мы займемся вопросом относительно упражнения предсознания, тщательного сохранения, запоминания тайников, где хранится то или другое впечатление, и скорого розыска и предъявления желаемого по приказанию воли. Мы увидим, что память поддается неограниченному улучшению, упражнению и развитию; сознавая, что ничто не забывается навсегда, мы уразумеем и возможность улучшить искусство воспринимать впечатления, сохранять их и снова извлекать. Мы увидим, что чем яснее запечатлевается что-либо в предсознательной области мышления, тем тщательнее оно сохраняется, и тем легче его вызвать в область сознания.

Мы увидим, с каким успехом можно приучить работников предсознания разыскивать и находить желаемое и как можно направлять их действия к исполнению наших приказаний.

\* В некоторых переводах употребляется также термин "подсознательный" или "внесознательный", хотя лучше было бы пользоваться старым термином, введенным еще философом Гартманом в его знаменитой "Философии бессознательного", т.е. бессознательное поле мышления; ввиду неудобства конструкции русского языка, например, в выражении "бессознательное сознание", мы оставляем этот термин, заменяя его словом "предсознательный", но придаем ему то же самое значение, что и Гартман своему "бессознательному".

\*\* Ошибочность прежнего мнения, что разум сознает все, видна уже из того, что для достижения своего предельного самосознания разум требует много времени и упражнений, и действительно, факт налицо: самосознание ребенка многим разнится в своих суждениях от самосознания взрослого человека. Кроме того, внешний мир можно считать в отношении времени и изменчивости чем-то более постоянным, нежели самого человека; Между тем, такое одинаковое и неизменное воздействие внешнего мира на человека воспринимается им в разное время его жизни совершенно различно; в этом может убедиться всякий, сравнив впечатления детства с позднейшими впечатлениями от одного и того же явления.

**От Олега Степанова** В старом переводе был просто использован термин "подсознание". У них не возникло проблем. Возможно просто современные переводчики хотя выглядят умнее других. Я думаю, лучше было бы следить за элементарными ляпами.

## Глава II. Внимание и внимательность

Интенсивность первоначального впечатления определяет степень последующих воспоминаний или припоминаний и пропорциональна вниманию, с которым относятся к предмету, производящему впечатление - это является психологическим законом. Испытания, оставляющие наиболее постоянные и резкие впечатления в нашем мозгу, именно те, на которые мы обратили наиболее сильное внимание. Однако многие авторитеты идут дальше, утверждая, что внимание - наиболее важная умственная привычка и что каждый человек имеет возможность развить известную степень гениальности, развивая силу сосредоточенного внимания, способного к неограниченному возрастанию при непрестанном упражнении. Для тех, кто не приучился сосредотачивать свое внимание на одном предмете, приобретение новых привычек покажется трудным и утомительным. Но дело облегчают упражнения, и со временем вы найдете, что внимание

будет сосредотачиваться автоматически и без усилия. Все желаемые качества, упоминаемые в этой главе, могут быть настолько развиты практикой, что будут бессознательно проявляться, если встретится необходимость. Раз вы будете нуждаться в сосредоточенном внимании, оно появится у вас. То же самое и относительно мысленного анализа. Приобретите только умственную привычку, и ей будет следовать ваш разум. Только бы прочистить духовную тропу, а разум уже пойдет по ней. Тайна в достижении духовного развития - упражнение и постепенное совершенствование.

Интенсивность первоначального впечатления определяет степень последующих воспоминаний или припоминаний и пропорциональна вниманию, с которым относятся к предмету, производящему впечатление - это является психологическим законом.

Испытания, оставляющие наиболее постоянные и резкие впечатления в нашем мозгу, именно те, на которые мы обратили наиболее сильное внимание. Однако многие авторитеты идут дальше, утверждая, что внимание - наиболее важная умственная привычка и что каждый человек имеет возможность развить известную степень гениальности, развивая силу сосредоточенного внимания, способного к неограниченному возрастанию при непрестанном упражнении. Было уже сказано, что различные степени внимания более, чем различие в отвлеченной способности рассуждать, составляют большую разницу, которая замечается между разумом отдельных лиц, и что внимание является лучшей половиной интеллекта.

Предсознательная часть разума сохраняет все впечатления, получаемые органами чувств, независимо от наличия внимания, но так как такие впечатления обыкновенно не входят в сознание при посредстве памяти, то ввиду их малой пользы они как бы не существуют. Итак, для наших целей мы можем признать, что без определенной степени внимания мы не сохраним продолжительного впечатления.

Исходя из этого мы можем сказать, что недостаточно, чтобы предмет произвел впечатление при посредстве чувства на мозг, но чтобы запомнить что-нибудь, необходимо внимание и сознательность в момент первичного впечатления.

Для пояснения разницы между сознательным вниманием и простым получением впечатлений через органы чувств, вообразим себя на одной из людных улиц большого города. Тысячи предметов появляются перед нашим зрением, тысячи звуков воспринимаются нашим мозгом, при посредстве органа слуха, орган обоняния тоже получает впечатление, орган осязания также не бездействует, потому что мы сталкиваемся с людьми и натакиваемся на разные предметы. Среди такого хаоса зрительных впечатлений, звуков, запахов, при возможности восприятия самых разнородных впечатлений, мы можем, однако, быть заняты одним определенным зрелищем, одним звуком, даже мыслью, а все прочее, окружающее нас, как бы не существует. И все, что мы потом вспомним об этом времени, будет именно тот предмет, исключительно на который мы смотрели, или тот звук, к которому мы прислушивались, или та определенная мысль, которая занимала нас в этот момент.

Большая часть видимого, слышимого, чувствуемого нами почти тут же забывается, потому что мы относимся к этому с очень незначительной степенью внимания. Говорят, что слабая память есть слабое внимание, и что привычка поверхностно наблюдать - двойник памяти. Мы коснемся этого в другой части нашей книги, где укажем и упражнение для развития внимания и ухода за ним.

Может ли человек одновременно сосредотачивать свое внимание на нескольких предметах - вопрос, в котором мнения расходятся. Высшие авторитеты, однако, сходятся на том, что разум может заниматься одновременно лишь одним предметом, но может переходить от одного предмета к другому с изумительной быстротой, которая заставляет предполагать, что внимание разделяется человеком между двумя и более предметами. Некоторые люди дела одарены способностью исполнять одновременно три-четыре дела, но нужно думать, что они просто развили в себе способность перехода от одного предмета к другому с большой быстротой. Гранвилл, упоминая об этом, говорит что такого рода умственная гимнастика часто кончается печальным падением исполнителя, могущего потерять таким образом свои способности надолго.

Бен подводит итог всему сказанному, говоря: "Не следует никогда забывать, что человеческий разум может заниматься одновременно лишь одной мыслью, хотя и можно переноситься своим вниманием и таким образом сразу схватить два или более предметов".

Когда разум сосредоточен на одном предмете, то мы невосприимчивы к зрелищам и звукам, которые привлекли бы в другое время тотчас же наше внимание. Человек, погруженный в какое-либо определенное занятие, не заметит проходящих через комнату лиц или не услышит боя часов, рядом с ним находящихся. В публичной библиотеке Чикаго автор наблюдал десятки людей, которые, читая, по-видимому, не воспринимают ни

зрелищ, ни звуков и не сознают времени, погруженные в свои книги, они не замечают встающих или садящихся вокруг них лиц и не соображают, что время уже закрывать библиотеку, и для этого нужно тронуть их за плечо и попросить удалиться. Я знал людей, так погруженных в свои думы, что они проезжали несколько станций далее по железной дороге. В пылу битвы раны, обыкновенно, в первое время не замечаются. Рассказывают, что Генри Клэ, намереваясь говорить об очень важных вопросах, но только в течение определенного времени, просил одного из своих друзей остановить его по истечении этого срока. Он так увлекся своей речью, что его друг не мог привлечь его внимания и не зная, что делать, уколол Клэ булавкой несколько раз в ногу. Не обращая на это внимания, Клэ еще долгое время продолжал свою речь, хотя из ноги показалась кровь. Впоследствии он говорил, что не осознавал стараний приятеля привлечь его внимание и сильно разбранил его за неисполнение его просьбы. Об одном известном французском писателе говорят, что он так углубился в свою работу в день Святого Варфоломея, что не слышал побоища даже под своими окнами. Другой итальянский ученый был так занят своими опытами, что не слышал шума сражения на городских улицах и, выйдя уже ночью из дома, был поражен тем обстоятельством, что город занят войсками Наполеона, а австрийцы оставили свои позиции. Про Сократа говорят, что однажды, отправившись в поход волонтером, он остановился на дороге, погруженный в свои философские размышления; простояв часа четыре и разрешив занимавший его вопрос, он увидел себя посреди равнины, оставленного ушедшим вперед войском.

Если вы желаете посвятить все свое внимание какому-нибудь предмету, то, по возможности, выбирайте время и место, чтобы ваш ум был свободен от всех посторонних впечатлений. Если вы хотите заинтересовать своего знакомого каким-нибудь важным делом, вы же не отправитесь к нему, когда он занят другим, и вам не придет в голову принудить его разобрать вопрос, если он погружен в другие соображения. Вы подождете времени, когда он будет относительно свободен от прочих занятий, в уверенности, что будете иметь тогда внимательного слушателя. Только люди, умеющие сосредотачивать свое внимание, могут бросить занятие и тотчас же посвятить все свое внимание другому. Понятно, что память следует за вниманием, и запоминаются лучше вещи, впечатления от которых получены тогда, когда ум находится в покое и не занят ничем посторонним. Неделимое внимание дает изумительно ясные впечатления, укрепляет способности и дает им силу, которой они не обладали бы при обыкновенных условиях. Если сосредоточить свое внимание на большой части тела, то боль усиливается. Замечено, что если сосредоточить внимание на какой-нибудь части тела, то можно вызвать в ней различное ощущение. Установлено, что можно усилить кровообращение в любой части тела, если сосредоточить на ней внимание. Если мы желаем получить наиболее полное и ясное впечатление от какого-нибудь предмета, то мы должны сосредотачивать на нем свое внимание. Это сосредоточение может усиливаться от разумных упражнений.

Люди большого интеллекта отличаются развитой способностью внимания, между тем идиоты и глупцы обыкновенно лишены такого внимания. Следовательно, память великих людей наполнена сильными интенсивными впечатлениями, вводимыми ими в область сознания при их ежедневных занятиях, тогда как человек с недостаточным вниманием обладает лишь незначительным запасом знания, постоянно ощущая недостаток в нем. Наше знание о предмете ограничивается лишь тем, что мы помним его. Следовательно, знание любого зависит от его памяти. А так как память зависима от внимания, то внимание есть первичный фактор знания. Развив свое внимание и мужчина, и женщина будут вознаграждены за это. Научитесь делать одновременно лишь одно дело, но делать его наилучшим образом. Сосредоточивая наше внимание и интерес на одном предмете, мы будем работать с успехом и удовольствием. Мы узнаем все, что следует знать по данному вопросу. Хорошо сказано Честерфильдом: "В течение дня для всего хватит времени, если мы будем делать только одно дело, но и года будет для вас недостаточно, если вы попытаетесь делать два дела сразу". Лорд Берлей того же мнения, говоря: "Наикратчайший способ исполнять много дел - это делать лишь одно дело. Делу время, а потехе час". Вышеупомянутой теории как бы противоречит тот факт, что многие люди размышляют лучше всего, если они при этом выполняют какое-нибудь легкое занятие, например, шьют, вяжут, разрезают книги, рассматривают картину, курят и пр.; но эти кажущиеся исключения только подтверждают правило: внимание, отвлекаясь от главной мысли, переходит к более легким занятиям, предъявляющим наименьшие требования и не отвлекающим внимания далеко от главной мысли. В самом деле, более легкое занятие дает некоторый отдых мысли в этих промежутках. Поэтому, если вам трудно сосредотачивать свое внимание на каком-либо предмете, то возьмитесь в то же время за какую-нибудь легкую работу. Но пусть такая вспомогательная работа будет легкая, потому что все серьезное удвоит внимание.

Изучая какой-нибудь предмет, мы получим наилучшие результаты, если направим свое внимание на различные подробности, но не отдавая всего внимания предмету в целом. Мы получаем наиболее полное впечатление благодаря нашей способности анализа и абстракции. Мы лучше узнаем предмет, как целое, изучая его подробности. Говоря словами доктора Геринга: "Специализация - мать знания!" Прежде чем изучить и выполнить сложный ход, человек должен научиться выполнять каждую составную часть этого хода. Узнав, как выполнять каждую часть, он будет уже в состоянии выполнить и целое. Те же самые принципы приложимы и к умственным познаниям и приобретениям впечатлений.

Для тех, кто не приучился сосредотачивать свое внимание на одном предмете, приобретение новых привычек покажется трудным и утомительным. Но дело облегчают упражнения, и со временем вы найдете, что внимание будет сосредотачиваться автоматически и без усилия. Все желаемые качества, упоминаемые в этой главе, могут быть настолько развиты практикой, что будут бессознательно проявляться, если встретится необходимость. Раз вы будете нуждаться в сосредоточенном внимании, оно появится у вас. То же самое и относительно мысленного анализа. Приобретите только умственную привычку, и ей будет следовать ваш разум. Только бы прочистить духовную тропу, а разум уже пойдет по ней. Тайна в достижении духовного развития - упражнение и постепенное совершенствование.

---

#### **От Олега Степанова:**

Насчет того, что идиоты лишены сосредоточенного внимания. Видимо автор не был специалистом в психиатрии и просто не знал, что существуют больные аутизмом, чья проблема именно в том и состоит, что они настолько поглощены заданиями, что остановить их можно только усыпив. Хотя, с другой стороны, если исходить из предположения, что Аткинсон был специалистом своего времени, мы подходим к другому феномену - кое-что из того, что выдается за знание - всего лишь мода. В 1991 году вышел фильм "Человек дождя", сейчас больше появляется фильмов с учеными-идиотами чем с простыми учеными, а в 1998 году американский школьник Кинсли на вопрос "Кто такие идиоты?" ответил "Это такие умные и добрые люди"... Возможно мы просто имеем дело с заменой аналогичной той, которая произошла при переходе людей из клана веривших в чертей и даже видевших их в аналогичный клан людей верящих в НЛО и бывших свидетелями вторжения. Как говорят криминалисты "ищи того кому выгодно преступление". Ну, тогда заметим, что, по крайней мере, Аткинсону была выгодна мысль, что, научившись сосредотачиваться как он предлагает, читатели могут рассчитывать на причастность к группе "людей большого интеллекта".

### **Глава III. Получение впечатлений**

---

Нетрудно понять, что при уходе за памятью приобретение ясных и отчетливых впечатлений - очень важное условие. Если нечего припоминать, то память бесполезна. Если вы вспомните наше описание духовной кладовой с различными предметами всех размеров, форм и цветов, вы легко поймете важность обладания психическими предметами такого размера, формы и цвета, чтобы их легко было найти, когда нужно. Органы чувств не только должны быть приучены к быстрому и легкому восприятию впечатлений, чтобы их легко было вызывать, но надо приучить и разум направлять внимание и интерес на свою работу, чтобы при случае можно было вспомнить мыслительный и психический процесс. Приобретение впечатлений часто идет двумя или более путями. Например, при чтении напечатанного глаза воспринимают впечатление от слов, изречений, страниц, между тем как одновременно другие части нашего разума воспринимают впечатление от мыслей и мнений автора, мыслей и идей читателя; заключение получится читателем от переработки и ассимиляции рассуждений автора и от сопоставления их с познаниями, сведениями и мнениями, находящимися уже в его памяти. Все эти впечатления могут быть вызваны памятью соответственно степени развития ее в отдельных личностях.

В одной из предшествовавших глав было сказано, что предсознательная способность нашего разума принимает каждое впечатление и складывает его в свою огромную кладовую. Но получаемые впечатления по существу очень различны. Некоторые очень ясны и сильны; другие несколько слабее; третьи совсем неясны и поверхностны. Сила впечатления зависит от интереса, с которым к нему относится наш разум в момент его восприятия и от количества волевого внимания, сосредоточенного на нем. Предмет интересный или же к которому отнеслись со вниманием, оставляет более резкое

впечатление, нежели предмет, мало или даже совсем не возбуждающий такового, и впечатление это воспроизводится при надобности гораздо скорее.

Сравнивая предсознание с кладовой, можно сказать, что внимание, с которым мы относимся к предмету, воспринимаемому нашим разумом при посредстве органов чувств, определяет размер и ценность вещи, отдаваемой на сохранение. Интерес же, пробуждающийся в момент получения впечатления, придает ему окраску. Запомните: внимание определяет размер, интерес же - окраску.

Когда человек желает вынести наружу спрятанную в кладовой вещь, то ему гораздо легче разыскать большой предмет, чем маленький, и легче рассмотреть ярко-красный, чем бесцветный. Понятно, что хорошие вещи сложены в порядке и систематично; прочие - кое-как, в беспорядке. Тщательное и заботливое сохранение имущества облегчает, конечно, и розыск требуемого предмета, но все-таки размер и окраска сделают вещь саму по себе более заметной.

Частые извлечения наружу предмета не только ведут к знакомству с местом его хранения, но и увеличивают его размер и усиливают окраску, так как при извлечении его всякий раз на нем сосредотачивается известное количество интереса и внимания. Внимание же определяется как "сосредотачивание сознания". Сознание же может подобно солнцу, разливающему лучи на бесчисленное множество предметов, распространяться на целый ряд вещей и может быть сосредоточено на определенном предмете, как и лучи солнца могут собираться стеклом в одной точке. Ясно видно, что степень внимания есть мера впечатления, произведенного на нашу предсознательную область мышления.

Психологи различают произвольное и непроизвольное внимание. Непроизвольным вниманием называется внимание, сосредоточенное с минимальным усилием или, пожалуй, без всякого усилия воли. Произвольное внимание сосредотачивается исключительно усилием воли. Животные и неразвитые люди обладают незначительным запасом волевого внимания или совсем его не имеют, но непроизвольное внимание свойственно им во всем своем объеме. Развитые люди обладают в высшей степени произвольным вниманием, способность развивать последнее, кажется, и есть одно из первых различий человека от животного; степень произвольного внимания указывает и на степень развития, занимаемую человеком. Многие редко заходят дальше порога произвольного внимания. Непроизвольное внимание есть в различной степени прирожденное свойство людей и животных. Произвольное внимание есть следствие развития воли. Животные, дети и неразвитые люди едва ли заинтересуются предметом настолько, чтобы удержать на нем свое внимание больше секунды. Развитый же человек усилием воли может направить свое внимание на предмет вовсе не интересный и держать его на нем, пока не закрепит в своей памяти нужные сведения. И точно так же он может переносить свое внимание с более интересного предмета на менее интересный одним лишь усилием воли. Действительно, развитый человек находит почти всегда в каждом предмете что-либо интересное, которое и облегчает возможность сосредоточить внимание, между тем как неразвитый человек не заинтересуется тем же предметом. Следовательно, развитый человек обладает способностью устранять из области своего внимания ненужный в данный момент предмет и тем очищает поле своего сознания. Этот результат достигается им при посредстве воли, играющей здесь ту же роль, что и в деле сосредотачивания внимания на неинтересном предмете. Неразвитый человек, едва обладающий волевым вниманием, почти всегда во власти посторонних впечатлений и находится в положении ребенка, смотрящего на представление в цирке и забывающего родителей и окружающее, но только следящего за происходящим, пока последнее не кончится.

Впечатления получаются при посредстве пяти внешних чувств. Органы чувств разделяются на два разряда: непосредственные и косвенные. Непосредственные органы те, что передают впечатление непосредственно мозгу, т.е. органы осязания, обоняния и вкуса. Применяя эти органы чувств, человек входит в соприкосновение с предметами, производящими впечатление; соприкосновение вполне очевидно в отношении осязания и вкуса и менее очевидно, хотя не менее реально, в отношении обоняния, так как мельчайшие частицы, отделяющиеся от предмета, приходят в соприкосновение с нервом обоняния. Косвенные органы чувств передают впечатление мозгу не непосредственно. Это органы зрения и слуха; в этих двух случаях впечатления достигают мозга посредством световых и звуковых волн.

Впечатления, передаваемые непосредственными органами чувств, с трудом приходят на память, тогда как впечатления, получаемые от косвенных органов чувств, легко припоминаются, и такая легкость при помощи разумного упражнения доводится до высших пределов. В данный момент вы не можете вспомнить настоящий вкус, запах или впечатление от прикосновения, но зато вы легко припомните время и место вкусового, осязательного или обонятельного впечатления, почему вы и узнаете предмет, встретив его

вторично. Эта способность распознавать может быть высоко развита и усовершенствована.

Достаточно вспомнить, например, знатоков чая, вина, сортировщиков шерсти, различных экспертов; у них высоко развито чувство вкуса, обоняния, осязания, и они быстро вызывают в памяти первоначальные впечатления в самых мельчайших подробностях в тот момент, когда новое впечатление достигает их мозга. Но трудно вызвать первичное впечатление вкуса, обоняния, осязания усилием воображения так, чтобы оно напоминало действительность. Некоторые писатели приводят исключения, рассказывая о об отдельных гурманах, знатоках вина и пр., которые будто бы могут усилием воображения вызвать точное впечатление вкуса своих любимых блюд и вин. Сомнамбулы, по-видимому, могут через внушение воспринимать такие впечатления. Но обыкновенно трудно вообразить вкус, запах или прикосновение, как мы воображаем звук или зрительное впечатление. Но таких затруднений не бывает при впечатлениях, получаемых от органов зрения и слуха, потому что вы можете не только припомнить явление, но живо нарисовать себе вид или услышать звук при помощи воображения, подкрепленного памятью. У некоторых эта способность сильно развита и они в состоянии представить себе какое-нибудь зрелище или услышать звук так же отчетливо, как в действительности. Художники и композиторы могут служить тому примером.

Нетрудно понять, что при уходе за памятью приобретение ясных и отчетливых впечатлений - очень важное условие. Если нечего припоминать, то память бесполезна. Если вы вспомните наше описание духовной кладовой с различными предметами всех размеров, форм и цветов, вы легко поймете важность обладания психическими предметами такого размера, формы и цвета, чтобы их легко было найти, когда нужно. Органы чувств не только должны быть приучены к быстрому и легкому восприятию впечатлений, чтобы их легко было вызывать, но надо приучить и разум направлять внимание и интерес на свою работу, чтобы при случае можно было вспомнить мыслительный и психический процесс. Приобретение впечатлений часто идет двумя или более путями. Например, при чтении напечатанного глаза воспринимают впечатление от слов, изречений, страниц, между тем как одновременно другие части нашего разума воспринимают впечатление от мыслей и мнений автора, мыслей и идей читателя; заключение получится читателем от переработки и ассимиляции рассуждений автора и от сопоставления их с познаниями, сведениями и мнениями, находящимися уже в его памяти. Все эти впечатления могут быть вызваны памятью соответственно степени развития ее в отдельных личностях.

Совершенствование внимания и интереса давало удивительные результаты, и каждый может приобрести это искусство, так что будет удивлен сам и поразит окружающих. Роберт Удэн, знаменитый французский маг, лучшие фокусы которого зависели исключительно от его быстрой и точной наблюдательности и внимания, развивал последние, так же как и память, годами усидчивых упражнений. Говорят, в свои юношеские годы он быстро проходил мимо какого-нибудь магазина, поспешно и зорко заглядывая в окно, а затем отворачивался. Спустя несколько шагов он останавливался, стараясь припомнить и описать возможно большее число виденных предметов. Он нашел, что постоянная практика настолько увеличила остроту его внимания, что он с каждым днем запоминал все большее и большее число предметов, выставленных в витрине; таким образом он непрестанно развивал те части разума, которые сохраняли и снова вызывали впечатления. Говорят, что впоследствии он мог пробежать мимо громадной витрины с выставленными мелкими предметами и получить такое полное, ясное и сильное впечатление, что несколько часов спустя он почти безошибочно описывал любой предмет. Благодаря этой способности Удэн сделался тем, чем был и чем составил себе состояние. Его память стала как бы фотографической пластинкой, запечатлевающей подряд все как есть, так что ему оставалось лишь вызвать впечатление и называть предметы, стоящие перед его душевными очами.

Подобный же случай описывается и Р. Кипплингом в его прелестном рассказе "Ким": старый учитель Лурган Саиб готовил мальчика к тайному служению, где быстрое и ясное запоминание предметов было равносильно успеху и, следовательно, жизни. Старик вынул из ящика горсть драгоценных украшений и приказал Киму смотреть на них сколько он желает, чтобы постараться затем припомнить их. Здесь же был и другой туземец-мальчик, уже подготовлявшийся некоторое время таким образом. Ким нагнулся над подносом и стал смотреть на пятнадцать разложенных на нем драгоценностей. Он думал, что это легко. Затем поднос закрыли и туземец-мальчик быстро записал все, что запомнил. "Под бумагой лежат пять синих камней, один большой, один меньше, и три маленьких, - поспешно сказал Ким. - Затем там четыре зеленых камня, один из них пробуравлен; прозрачный желтый камень и один, схожий с чубуком. Два красных камня и... и... я насчитал пятнадцать, но два

забыл. Дайте вспомнить! Да, там был маленький коричневый предмет из слоновой кости и... дайте подумать!" Но дальше дело не шло. "Слушай мой отчет, - сказал маленький туземец, - во-первых, там было два надтреснутых сапфира, весящих четыре и два карата, насколько я могу судить. Четырехкаратный сапфир заострен. Затем туркестанская бирюза, испещренная зелеными жилками, с двумя надписями - одна золотом, с именем Бога, другая, вокруг камня - стерта, так как он вынут из старого кольца. Вот пять синих камней; затем идут четыре блестящих изумруда, один просверлен в двух местах, а другой покрыт мелкой резьбой". "Их вес, - спокойно сказал Лурган Саиб, - три, пять и четыре карата". "Кусок зеленоватого старого янтаря и дешевый обломок европейского топаза, - продолжал мальчик-туземец. - Один бирманский рубин весом пять карат, без изъяна. Шарообразный, попорченный рубин в два карата. Резная слоновая кость из Китая, изображающая крысу, сосущую яйцо. И, наконец, величиной с боб кристалльный шар, вделанный в золото". Ким почувствовал себя очень униженным превосходством маленького туземца. "Как же ты это сделал? - спросил он. "Делая одно и то же несколько раз, пока не добился полного успеха". Я советую вам прочесть эту книгу, в ней много полезного, и посмотреть, как Ким воспользовался уроками старого учителя. Это упражнение, очень точно изложенное в великолепном описании Киплинга, очень любимо на Востоке, где оно практикуется в совершенстве многими, как практиковалось и Удэном. Многие из вас могут сделать тоже самое, если вы не пожалеете труда и времени для приобретения навыка. Говорят, что какой-то знаменитый художник при первом сеансе часто попросту смотрел с час на оригинал, а потом отпускал его, говоря, что тому возвращаться уже не надо. Затем он месяцами писал портрет без всяких сеансов, глядя лишь по временам на пустой стул, где раньше сидел оригинал, и перенося его черты на полотно. Он говорил, что в действительности видел оригинал на стуле; вероятно впечатление глубоко врезалось в его память. Понятно, это пример исключительный, но и другие художники развивали в себе ту же способность, хотя и не в такой удивительной степени. У китайцев отдельные буквы или значки для каждого слова, и китайский ученик накапливает большой запас таких знаков в своей памяти, нисколько не затрудняясь этим. Наши дети проделывают то же самое, хотя и в меньшем размере, в виду новой системы обучения чтению. Учившись читать, мы начинали читать слова по слогам и употребляли много времени, чтобы разобрать слово "Константинополь"; теперь же наши дети мысленно запоминают длину или общий вид слова вместо отдельных букв или слогов, и для них прочитать "Константинополь" столь же легко как и "кот", хотя по слогам прочесть одинаково трудно и "кот" и "Константинополь". Те же результаты достигаются и музыкантами; многие из них имели способность воспроизводить страницу за страницей слышанной ими раз или два музыки. Какой-то знаменитый композитор еще ребенком слышал в одном монастыре знаменитую мессу, подлинник которой хранился монахами в секрете. Придя домой, он записал всю мессу, не сделав ни одной ошибки. Монахи простили его, восхитившись удивительным его даром. Менее крупные музыкальные дарования не редки. И не одна способность памяти делает это возможным, но также и развитая способность слышать и видеть ясно и отчетливо. Некоторые евреи могут наизусть с любого места повторять весь талмуд, который уже сам по себе целая библиотека. Лаланд написал рассказ, где говорится об одном индусе, не понимавшем ни слова по-английски, но когда ему прочли пятьдесят строк "Потерянного Рая", он повторил их с поразительной точностью, затем проговорил их наоборот. В былые времена при дороговизне книг люди зависели исключительно от своей памяти и многие развивали ее, отнюдь не считаемую чудесной, но самой обыкновенной вещью, присущей каждому изучающему что-либо. В XIII и XIV веках студенты тысячами шли в университеты. Книги были редки и дороги, и преобладал старый обычай заучивать наизусть целые сочинения. Шлиман в своем "Ilios" говорит, что его память была плоха, но он так усовершенствовал ее с помощью непреклонной воли и упорного труда, что в конце концов, стал изучать всякий новый язык через каждые полгода настолько, что в совершенстве говорил и писал на нем. И все это в то время, когда был занят торговым предприятием. Японские дети по крайней мере в течение двух лет изучают простые значки или буквы раньше, чем начнут читать. Это труднее всего того, что делается в школах и достигается исключительно упражнениями памяти. И такая практика есть причина изумительной памяти японцев. Один из их писателей, Хирита Атсутона, написал громадное исследование о мифах и легендах своей страны; говорят, будто первые три тома самого исследования и некоторые тома введения он составил, не заглядывая ни в одну из книг, где раньше черпал свои сведения. Гротиус и Паскаль, как говорят, никогда не забывали того, что говорили или о чем думали хотя бы раз. Кардинал Меццо-Фанти, владевший будто бы сотней различных языков, утверждал, что никогда не забывал раз выученного слова. Есть рассказ про одного старого

сельского могильщика, помнившего день каждого погребения на своем кладбище за тридцать пять лет, возраст умершего и имена присутствовавших на похоронах. Сенека мог повторять две тысячи отдельных слов, слышав их только раз, в таком же порядке, как они были произнесены, просто благодаря своей природной памяти. Друг его Порций Латий никогда не забывал речей, произнесенных им, память его удерживала каждое слово. Кинес, посол царя Пирра в Риме, в один день так хорошо изучил имена собравшихся, что на следующий день мог приветствовать сенаторов и народ, называя каждого по имени. Плиний говорит, что Пирр знал имя каждого своего солдата. Франциск Луарийский мог прочесть наизусть все сочинения Святого Августина, приводя тексты и указывая страницу и строку этих текстов. Фемистокл знал имена всех 20 000 граждан Афин. Муреций говорит про одного молодого корсиканца, могущего повторять в прямом и обратном порядке 36 000 несогласующихся слов, слышав их раз. Он говорил, что способен и на большее, но читавшие ему уставали. К этому корсиканцу пришел как-то молодой человек с плохой памятью. Корсиканец занялся с ним с таким успехом, что ученик через одну или две недели был в состоянии повторить 500 слов в прямом и обратном порядке. Меглиабаци, великий флорентийский библиофил, обладал замечательной памятью в отношении книг и рукописей. Он знал место, полку и номер каждой книги в своей собственной громадной библиотеке и в других известных библиотеках. Однажды великий герцог Тосканский спросил его, где ему можно найти экземпляр одной известной редкой книги; он ответил, что существует только один экземпляр, который находится в "библиотеке великого патриарха в Константинополе, на седьмой полке третьего шкафа, направо от входа". Иосиф Скалиджер выучил наизусть "Илиаду" и "Одиссею" менее чем за месяц, а за три месяца изучил всех греческих поэтов. Рассказывают, что этот человек часто жаловался на свою слабую память. Упражнением каждый может развить способность сосредотачивания и внимания по отношению к мыслям и предметам. Та же самая причина и то же самое правило применимы к каждому случаю. В следующих главах мы коснемся этого вопроса, но до этого внимание наше будет направлено на приобретение впечатлений при посредстве органов зрения и слуха.

---

#### **От Олега Степанова:**

Насчет Роберта Удэна и Кима. Не сосчитать число людей, которые прочитали что-то подобное и стали аналогично тренироваться. В моем случае это был рассказ об опытном летчике, который учил молодого запоминать как расположены разбросанные спички. А спорим этот мальчик-туземец ни когда в жизни не смог бы придумать, что данный камень является именно бирманским рубином, если бы ему ни кто этого не объяснил, сколько бы лет он на него ни смотрел? А что касается весов в каратах, то весы надо было точно иметь, ну или хотя бы человека, который мог бы показать пальцем и сказать "вот это два карата"... Будь он хоть трижды внимательным, но транзистор он "транзистором" бы не назвал.

Удивляет приблизительность описания "а вот один человек, однажды...", что резко занижает уважение к информации. "Какой-то знаменитый композитор" это скорее всего Моцарт. Только он не запомнил все сразу. Он даже пришел во второй раз с нотами под одеждой и на месте подправлял.

Насчет Сенеки. Имеется в виду отец знаменитого Сенеки, работавший ритором - учителем словестности, в которую входила и мнемоника, которую он и демонстрировал, как и все другие учителя данного предмета. Насчет Муреция - (уж больно фамилия похожа на Лукреция) очень похоже на описание Метродора.

## **Глава IV. Зрительные впечатления и память**

---

Справедливо говорят, что "глаза - окна души", и совершенно правильно, потому что через эти окна разум получает наибольшее число впечатлений. Вы увидите, что вопрос об уходе за памятью ближе примыкает к приучению разума правильно воспринимать впечатления, полученные при посредстве органов зрения, чем к уходу за каким-либо другим органом чувства.

Мы едва ли в состоянии достаточно доказать нашим читателям первостепенную важность упражнения глаза в получении правильных, ясных и точных впечатлений. Такое упражнение и соответственное развитие дадут прекрасные результаты во всяком деле, во всякой профессии или предприятии. Не только художник и ваятель нуждаются в развитом глазе, но и всякий ремесленник, деловой человек или занимающийся вольной профессией, не развив его, ежедневно страдает от такой небрежности.

Художник не в состоянии творить, не умеет правильно наблюдать; писатель не может описывать лица, характеры и сцены, не обладая острой наблюдательностью; не нужно напоминать ремесленнику о необходимости хорошо видеть предмет. Нет занятия, которое не нашли бы лучше при развитой способности наблюдения.

Вы намного увеличите свои сведения и развлечения, развив искусство воспринимать. Например, люди в путешествиях многое теряют из вида, от них ускользают наиболее интересные вещи ввиду неумения ощущать последние. Возвратившись, они читают описания путешествий по той же местности и удивляются богатству описаний там, где они не видели почти ничего. Для многих пропадают и лучшие места книги ввиду небрежного их чтения.

Индеец и лесной житель заметят сломанную ветку, перевернутый лист, след там, где непривычный наблюдатель не заметит ничего необыкновенного.

Я читал когда-то про одного купца, осмеиваемого за то, что у него служил в приказчиках неученый человек. Он был согласен, что его приказчик читал хуже Джона Биллинга, что грамматические ошибки у него заставили бы перевернуться в гробу Лендлея Муррея, что он никогда не читал произведений известных авторов, но зато он умел "видеть" вещи и закупал ежегодно ценного товара на тысячи долларов и, насколько известно, ни разу не ошибся, не пропустил испорченной вещи или подозрительного товара. Этот человек развил способность воспринимать и применял ее с пользой.

Очень немногие из нас замечают подробности обыкновенных предметов. Многие ли из вас знают, где именно уши у коровы: снизу, сверху, сзади или впереди рогов? Многие ли могут сказать, как слезает кошка с дерева, хвостом или головой? Многие ли знают, с какой ноги начинают бегать лошадь или корова: с задней или же с передней? Многие ли знают, как обозначено число четыре на циферблате часов? Большинство из вас скажут IV- взгляните на часы!

Знаменитый ученый Агассис славился умением приучать своих учеников к наблюдательности. Высокоразвиваемая им способность воспринимать в значительной степени способствовала успеху большого числа его учеников, которые приобрели себе впоследствии имя и положение. Говорят, что однажды любимый его ученик просил указать ему дополнительные упражнения в этом направлении. Агассис дал ему в кружке рыбу с тем, чтобы он внимательно осмотрел последнюю, а затем, придя к нему, рассказал, что видел. Ученик видел и раньше таких рыб и не мог понять, почему профессор задал ему такую пустяковую работу; он посмотрел на животное, но не увидел ничего интересного. Не найдя профессора, он должен был оставаться с рыбой в течение нескольких часов, к своему величайшему неудовольствию. Продав немного, он вынул рыбу из кружки и стал рисовать ее. Это было довольно легко, пока он не вникнул в подробности. Тогда он, к своему удивлению, нашел, что рыба не имела век, и заметил некоторые другие подробности, до сих пор ему неизвестные.

Когда Агассис вернулся, он был, казалось, в отчаянии, что ученик так немного мог рассказать о рыбе, и попросил его продолжать свои наблюдения еще несколько часов. Студент, увидев, что ему не отделаться от этого, прилежно взялся за работу, помня слова Агассиса, что "карандаш - лучший глаз". Он находил все более и более интересного в рыбе и увлекся работой. Профессор входил иногда в комнату и выслушивал новые сообщения студента, но почти ничего не говорил. Он заставил студента проработать три дня над рыбой, и тот был очень удивлен, что сначала так мало видел, тогда как на самом деле было так много интересного. Много лет спустя он сам приобрел известность и имел обыкновение рассказывать описанный случай с рыбой, замечая при этом, что полученный им урок при исследовании рыбы применял и он при рассмотрении подробностей всякого предмета, и что приобретенная привычка дала ценные результаты. Говорят, что Агассис мог читать популярную лекцию о каком-нибудь насекомом вроде кузнечика, так заинтересовывая слушателей, что они увлекались, как будто присутствовали на каком-нибудь состязании.

Говорят, что в Лондоне есть места, где приучают молодых воров к быстрому и точному наблюдению. "Профессор", изучающий молодых негодяев, кладет на свою ладонь некоторое количество небольших предметов, например, ключик, пуговицу, кольцо, монету и пр. Он разжимает на секунду ладонь перед своими учениками, которые обязаны не только назвать, но и описать эти предметы. Затем предметы меняются, и мальчики должны сразу назвать исчезнувшие предметы. Эти субъекты, после определенного числа таких уроков, отправляются на работу под видом нищих. Они стараются заглянуть в конторы, дома, торговые помещения и пр. и заметить каждый предмет, находящийся в поле их зрения, его место, замки и т.д. Потом докладывают о виденном своему старшему и, если стоит труда, устраивается ограбление.

Это напоминает уроки, полученные Кимом и описанные в одной из предшествовавших глав. Читавшие увлекательные рассказы Конан Дойля о Шерлоке Холмсе, вероятно помнят удивительную наблюдательность этого сыщика-любителя и достигнутые благодаря этой способности результаты. Игроки часто бывают хорошими наблюдателями и узнают шансы своего противника по выражению его лица, хотя последний и не осознает этого.

В Италии мальчики очень любят игру под названием "морра", которая, при правильном ходе, заставляет мальчуганов настораживаться подобно лисе. В нее играют двое и она состоит в том, что игроки поочередно показывают друг другу несколько пальцев с тем, чтобы один из играющих быстро назвал число их у своего противника. Я видел разновидность такой игры в Чикаго у итальянских газетчиков, ожидающих газет у типографии. Один из них, привлекая внимание другого, быстро протягивал ему кулак с двумя или более вытянутыми пальцами, восклицая "морра!" Другой должен был быстро угадать число пальцев, иначе получал увесистый удар пачкой газет по голове. Котор, знаменитый учитель рисования, советовал своим ученикам смотреть в течение нескольких секунд на какого-нибудь прохожего, а затем попытаться нарисовать его. Такой способ действия увенчивался успехом после некоторой практики. Сначала отчетливо запоминалась лишь шляпа или рука, но в конце концов запоминалась вся фигура, до мельчайших подробностей. В рисовальной школе в Петербурге ученик должен изучать какой-нибудь предмет в продолжение десяти минут, затем он убирается и ученики стараются зарисовать его на память. Варней, знаменитый учитель, ставил рисуемый предмет в одной комнате, а учеников помещал в другой и время от времени позволял им пойти взглянуть на него.

Гарбиелли, французский художник, нарисовал очень схожий портрет Джеймса Гордона Беннета, видел его только раз в быстро проехавшем экипаже. Один из наиболее похожих портретов Линкольна был написан очень талантливым, но мало кому известным художником из Нью-Джерси, горячим поклонником великого президента, которого он видел только раз. Художник-был так взволнован, услышав об убийстве своего кумира, что сел, чтобы прийти в себя, за мольберт и на память нарисовал убитого президента. Много лет тому назад, в 1845 г. сгорела старая академия художеств в Филадельфии и среди других ценных картин погибла картина Мурильо "Римлянка". Почти тридцать пять лет спустя Сарртэн нарисовал ее по памяти. В 1805 г. французские войска взяли одну из лучших картин Рубенса - запрестольный образ в церкви Святого Петра в Кельне. Местный художник, большой поклонник картины, по памяти нарисовал копию, которая по подробностям, манере и краскам совершенно походила на оригинал. Впоследствии оригинал был возвращен и сравнен с копией, но и самый внимательный осмотр не мог открыть никакой сколько-нибудь заметной разницы. В одной из главных гостиниц одного большого города работает швейцар, принимающий шляпы у посетителей при входе в ресторан. Он узнает владельцев сотен шляп безошибочно, сопоставляя лица со шляпами и запоминая зрительные впечатления. "Я представляю лицо под шляпой и узнаю, чья шляпа", - говорил он и при виде каждого посетителя вручал нужную шляпу. Многие хозяева гостиниц помнят имена тысяч посетителей.

Есть рассказ о том, как Стивенс, в то время еще полицейский чиновник в Нью-Йорке, желал удостовериться в личности субъекта, занимающего комнату, в которую он никого не впускал. Однажды Стивенс постучался к нему; дверь приоткрылась на несколько дюймов и на одну только секунду. Острые глаза Стивенса осмотрели в этот короткий промежуток времени всю комнату. Он увидел висящие на стенах платья разного рода и признал между ними одежду, бывшую на одном переодетом человеке, которого он искал. Произвели арест, и субъект оказался видным преступником, разыскиваемым полицией на континенте. Один известный лондонский полицейский агент учил своих подручных смотреть на многолюдных улицах в обе стороны, потому что замечал, что обыкновенный человек смотрит почти всегда направо.

Глаз, конечно, сообщает мозгу каждый световой луч, проникающий в него, и предполагают, что каждое воспринятое таким образом впечатление, хотя и слабо, но все-таки остается. Но память удерживает только те, которые возбудили интерес или привлекли внимание. Но мы можем так развить свои органы чувств, что впечатления будут восприниматься с такой ясностью и точностью, что разум станет считать их ценными и заботливо спрячет их, чтобы их легко было найти, когда нужно, а не свалить в кучу, в которой невозможно будет их разыскать.

Очень немногие бывают внимательными наблюдателями. Средний человек может запомнить предмет лишь в общих чертах, будет помнить каков его вид, но подробности у него будут отсутствовать.

Интересный предмет возбуждает большую долю внимания, почему и получается более ясное и полное впечатление. Например, представим себе мужчину и женщину, идущих по

улице. Другая женщина, в привлекающем внимание платье, проходит мимо них. Оба замечают ее. Мужчина запомнит только, что "на ней было что-то синее", что "ее рукава почти покрывали кисть" и что "на ней была большая шляпа". Хорошо, если помнит он и это; многие же не заметили бы рукавов, и дальнейшее впечатление было бы неполное. Но женщина будет в состоянии точно определить, как была одета женщина, отделку, талию, подробности фасона рукавов, юбку, материю, из которой она сшита, фасон, качество и стоимость, шляпу и перья, шелк и бархат, мелкие детали и т.д. Она сможет описать своей подруге все, что видела, и последняя в состоянии увидеть все "глазами воображения". Однако и мужчина и женщина обладают одинаково хорошим зрением - оба получили фотографически точное впечатление прошедшей женщины и ее туалета, но заметьте разницу в их наблюдении. Что обуславливает разницу? Просто тот факт, что женщину занимал туалет и она привыкла обращать внимание на подобные вещи. У мужчины интерес отсутствовал - отсутствовало, следовательно, и внимание. Но, вероятно, мужчина помнил бы, что у прошедшей были блестящие голубые глаза и пышные волосы, - понятно, если он молод, но интереса можно достигнуть практикой, внимание же не замедлит последовать.

Конечно, вы понимаете, что не глаз требует упражнения, потому что всякий здоровый глаз исполняет свою работу хорошо. Уроки нужны той части вашего разума, которая смотрит через глаз. Глаз лишь камера, разум же - светочувствительная пластинка. Вы хотите развить наблюдательность. Ваше желание пробуждает в вас интерес к предмету и к подробностям, и вы уделяете ему свое внимание. Не забывайте двух важных факторов - интереса и внимания. Но разум ваш привык лениться, и потребуется время, терпение и труд, чтобы заставить его работать как следует.

Для запоминания предметов, во-первых, нужно их видеть полностью, чтобы разум получил ясное впечатление и бережно сохранил его, как ценную вещь. Единственная же возможность достигнуть этого - это развить наблюдательность. Предметы, которые должны остаться в памяти, надо наблюдать внимательно и старательно. Развитие наблюдательности полностью вознаградит за потраченный труд и время; сама работа не утомительна и сопровождается таким видимым улучшением памяти, что изучающий забывает, что это серьезная работа. а не ряд интересных опытов.

В следующей главе вам будет указан ряд упражнений, способствующих развитию вашей наблюдательности и приучающих вас "видеть" предмет ясно и отчетливо. Эти опыты полезны не только для развития памяти, но дадут вам такую острую наблюдательность, что вы покажетесь себе и другим гораздо более значительным, человеком, чем раньше. Таким образом, вы получите новое своеобразное воспитание.

---

#### **От Олега Степанова:**

"Глаза - окна души" по русски звучит "глаза - зеркало души".

Насчет часов и цифры IV. Многим сейчас будет непонятен данный пассаж. Много лет назад на часах писали не IV а IIII.

## **Глава V. Упражнения для восприятия зрительных впечатлений**

---

Девять упражнений для тренировки восприятия зрительных впечатлений.

### **Упражнение 1**

Одно из наиболее простых, но лучших упражнений для развития наблюдательности состоит в умении "видеть" обыденные вещи. Может быть, это и покажется легким, но попробуйте, и вы убедитесь в обратном.

Поставьте перед собой какую-нибудь самую обыкновенную вещь (лучше яркого цвета, потому что таковой легче запомнить). Положим, что это будет книга, яблоко или чернильница. Смотрите спокойно на нее в продолжение некоторого времени, но внимательно и разумно, стараясь запечатлеть ее в своей памяти. Затем закройте глаза и попытайтесь припомнить эту вещь с наивозможной точностью. Постарайтесь припомнить ее размер, подробности и запечатлейте все это в своем мозгу. Затем откройте глаза, взгляните еще раз на вещь и посмотрите, чего еще не хватает вашему умственному образу. Внимательно отметьте эти опущенные подробности, потом снова закройте глаза и постарайтесь усовершенствовать изображение; снова смотрите на вещь и продолжайте таким образом до тех пор, пока вам не удастся составить вполне ясный умственный образ данной вещи во всех подробностях. Небольшая практика даст вам удивительный навык в

подобных упражнениях: она вознаградит вас вполне за труд и подготовит к дальнейшей работе.

### **Упражнение 2**

Вполне овладев первым упражнением, возьмите один из изученных вами предметов и, получив точное умственное изображение его, постарайтесь нарисовать его форму и детали. Не страйтесь тем, что вы не художник. Я не хочу пытаться сделать из вас его, но хочу только развить вашу наблюдательность и способность запоминать увиденное вами. Для первого раза задайте себе что-нибудь легкое, и вы вряд ли разочаруетесь.

Успешность ваших рисунков будет зависеть не от художественного дарования, но от подробностей, которые вы запомнили и нанесли на бумагу. Изумительно, как эти два упражнения развивают наблюдательность и способность запоминать. Через короткое время вы будете способны взглянуть на вещь только раз, а затем сделать набросок со всеми главными деталями.

Конечно, для вас понятно, что вам должен служить моделью не самый предмет, но его умственное изображение. Заметив все подробности предмета, взгляните на него вторично и посмотрите, не забыли ли что-нибудь; словом, поступайте как в первом упражнении. В обоих упражнениях почаще меняйте предмет наблюдения, потому что это способствует успеху и даст отдых уму.

### **Упражнение 3**

Начинайте с рассмотрения деталей, а не с запоминания общего вида предмета. Говорят, что разумное наблюдение - наиболее трудное искусство. Не старайтесь "воспринять" весь предмет целиком с первого взгляда. Это дело последующих опытов, по достижении вами уже некоторого развития. Воспринимайте отдельные подробности предмета, запечатлевайте их в своем уме, затем приступайте к следующим подробностям и т.д. Например, возьмите лицо. Нет ничего досаднее, как забывать лица встречаемых нами людей, и многие обязаны своей неудачей лишь недостатку наблюдательности в этом направлении. Ошибка многих из нас заключается в том, что мы пытались запомнить лицо в целом, но не в деталях. Начните упражняться на ваших знакомых, затем переходите на посторонних, и в скором времени вы удивитесь легкости, с которой запоминаете подробности в наружности других.

Внимательно рассмотрите нос, глаза, рот, подбородок, цвет волос, общую форму головы и т.д. Вы увидите, что вам легко будет припомнить нос у одного, глаза у другого, подбородок у третьего и т.д.

Раньше, чем приступить к этому, сядьте и попробуйте описать наружность кого-либо из ваших самых близких знакомых. Вы будете удивлены неясностью вашего представления. Вы ни разу хорошенько подробно не всматривались в них. Если это так, как можете вы надеяться припомнить посторонние лица? Начните с рассмотрения каждого встречного и со старательного изучения внешности, а затем берите карандаш и постарайтесь на словах описать наружность. Это упражнение очень интересно, и с первых же слогов вы заметите быстрое улучшение.

Подобным же упражнением является детальное наблюдение зданий. Сначала постарайтесь описать какое-нибудь здание, мимо которого вы ходите ежедневно. Вы сможете составить себе отдаленное понятие его общего вида, формы, цвета и т.п. Но что касается числа окон в каждом этаже, местонахождения и размера дверей, формы крыши, ворот, труб, карнизов, украшений и т.д., то вы увидите, что не в состоянии дать себе в этом ясного отчета. Вам будет казаться, что вы никогда в действительности не видели дома, не так ли? Вы просто смотрели на него. Начните же, приглядываясь к находящемуся на вашем пути зданию, воспроизводить позднее мысленно его подробности и посмотрите, многое ли вы запомнили. На следующий день займитесь этим же зданием и рассмотрите новые детали (а их будет не мало); продолжайте таким образом, пока в вас не составится понятие о здании. Это очень ценный способ для развития наблюдательности.

### **Упражнение 4**

Мы упоминали о способе, которым готовили Кима. Наряду с этим мы рассказали об обучении мальчиков-воров. Такому методу должен следовать и изучающий, которому он принесет пользу и заинтересует, особенно, если вместе будут упражняться два или три человека, потому что дружное соревнование пробуждает и обостряет наблюдательность. Следующий опыт заинтересует вас: положите на стол по крайней мере семь вещей и покройте их платком. Снимите платок, сосчитайте до десяти, затем, опять закрыв вещи, попросите участвующих в этой игре как можно полнее описать на бумаге виденные предметы. Присутствующих можно подводить к столу поодиночке и давать им записывать впечатления в другом конце комнаты. Со временем число лежащих на столе предметов может быть доведено до пятнадцати. Удивительно, какого искусства в наблюдении достигают таким образом некоторые лица. Рассказ о Киме и данной ему работе хотя и

вымысел, но все-таки, наверное, основан на каком-нибудь действительном факте, известном Кипплингу, так как подобные упражнения очень обычны в Индии, где таким образом практикуются йоги. Но развитие этим методом способности могут применяться не только к подобным забавам, но они обостряют наблюдательность так, что вы без труда будете видеть много такого, чего другие не заметят, и тем получите значительную подмогу в делах.

К этому разряду упражнений можно отнести и упражнение Удэна, проходившего мимо витрин, а затем припоминавшего выставленные предметы. Мы уже говорили об этом в одной из предыдущих глав. Эти упражнения можно применять как разновидность одного из вышеозначенных. Оно разнообразит работу и способствует развитию наблюдательности и сосредоточения в то время, как наблюдатель бывает окружен посторонними звуками и зрелищами. Многие другие упражнения такого же рода придут на ум изучающему по мере его развития, он найдет занятие крайне увлекательным, как только приобретет "навык" в делах такого рода.

#### **Упражнение 5**

Я видел в деревне игру, которая является прекрасным средством для развития наблюдательности. Она несколько отличается от указанных выше упражнений в том смысле, что предметы меняются, и надо быстро сосредоточить на них внимание, чтобы получить ясное впечатление. Дело вот в чем: кто-нибудь должен встать за ширму или занавес и на одну секунду показать оттуда какой-нибудь предмет стоящим по другую сторону. Развившие способность быстро схватывать, смогут описать предмет удивительно ясно и подробно. Можно одновременно показывать несколько вещей после того, как упражняющиеся достаточно напрактиковались.

#### **Упражнение 6**

Упражняющемуся показывают кость домино и просят его назвать число очков не считая, сразу. Потом кладут две кости и т.д. После небольшой практики всякий сможет мгновенно назвать общее число очков. Более легкая разновидность этого упражнения состоит в том, что быстро проводят перед глазами упражняющегося карту и просят его сказать ее масть и название. Сначала следует действовать медленно, увеличивая скорость постепенно, до тех пор, пока для упражняющегося достаточно будет бросить беглый взгляд на карту.

#### **Упражнение 7**

Многие лица могут схватывать содержание статьи с одного взгляда. Занятые люди, по необходимости просматривающие газеты, обладают такой способностью; мужчины и женщины, занимающиеся журналистикой, часто бывают способны схватить смысл статьи, лишь взглянув на последнюю. Рецензенты также обладают этой способностью. (На самом же деле, судя по содержанию некоторых рецензий, рецензенты совершенно не заглядывают в книгу). Писатель в своей издательской деятельности должен "пробежать" ежемесячно массу статей. Вначале это берет много времени, но затем тот же результат получается и при быстром просмотре и суммировании содержания лишь по мимолетному взгляду, потому что интересная статья узнается уже при быстром просматривании. Все дело в практике. Профессор Портер, говорят, мог прочесть с одного взгляда почти половину книжной страницы. Начните с прочтения одним взглядом нескольких слов, затем целых фраз, отрывков и т.п. При развитии психических способностей следует поступать, как поступают при развитии мускулов - сначала развиваем один мускул, затем доходим последовательно до целой группы мускулов.

#### **Упражнение 8**

Очень полезно составлять в уме описание комнаты и ее обстановки. Многие женщины делают это без всяких предварительных упражнений, наблюдательность мужчин в этом направлении не велика и они нуждаются в развитии ее. Если вы мужчина и читаете эту книгу с женщиной, она опередит вас в этом и многих других упражнениях. Многие женщины, по-видимому, "видят" всякую интересующую их вещь и многие из них никогда не забывают увиденного.

Войдите в комнату и произведите быстрый осмотр ее обстановки, стараясь запомнить хорошую психическую фотографию наибольшего числа предметов, размер комнаты, высоту, цвет обоев, число окон и дверей, стульев, столов, ковров, картин и пр. Затем уйдите из комнаты и, записав виденное, сравните запись с оригиналом. Повторяйте, пока не добьетесь совершенного результата. С такой практикой вы в состоянии будете точно описать любое посещаемое вами место не затрудняясь нисколько, потому что ваша способность наблюдать автоматически заносит впечатления, будучи подвергнута вышеуказанной тренировке.

#### **Упражнение 9**

Вечером следует сделать обзор ваших дневных занятий и постараться припомнить и записать вещи и лица, с которыми вы встречались и которые вы видели. Вы удивитесь

незначительности того, что вы можете припомнить сначала, и количеству того, что будете помнить после небольшой практики. Это не только искусство припоминать, но и искусство наблюдать. Ваша предсознательная область мышления поймет необходимость ясно замечать предметы и ставить их на должное место.

## Глава VI. Восприятие слухом и память

Хотя мы и пользуемся словом "восприятие" для обозначения познания чего-либо при посредстве органов зрения, но термин этот одинаково пригоден и для обозначения познания через посредство органов слуха. В способности удерживать впечатления, получаемые при посредстве этих двух органов, существует громадная субъективная разница.

Обыкновенно зрительные впечатления воспринимаются быстрее, но, по-видимому, память лучше удерживает слуховые впечатления. Многие из нас слышанное помнят намного лучше прочитанного. Но многие писатели придерживаются того мнения, что в деле запоминания лекций зрение помогает слуху, потому что запоминается наружность лектора, его жесты, выражения; в конце концов, пожалуй, и мы согласимся с таким мнением. Но лекция кажется более "живой", если мы слышим ее, чем когда читаем ее впоследствии напечатанной. Конечно, лучше прочесть услышанную лекцию или проповедь, если это возможно, и таким образом воспользоваться особенностями обоих родов памяти, зрительной и слуховой.

Хотя мы и пользуемся словом "восприятие" для обозначения познания чего-либо при посредстве органов зрения, но термин этот одинаково пригоден и для обозначения познания через посредство органов слуха. В способности удерживать впечатления, получаемые при посредстве этих двух органов, существует громадная субъективная разница.

Некоторые лица яснее помнят виденное, другие - услышанное. Один узнает старого знакомого, как только его увидит, другой же не узнает лица, но вспомнит человека, услышав его голос. Мне известны случаи, когда не видевшиеся годами лица узнавали друг друга по телефону. Как-то раз в газетах было сообщение о каком-то сыщике, который не в состоянии был узнать известного преступника благодаря его искусному переодеванию, но как только последний заговорил, он узнал и арестовал его лишь потому, что десять или более лет тому назад слышал его голос. Мне известны мужчины и женщины, узнававшие своих бывших школьных товарищей, не встречавшихся им с детства, по голосу, хотя эти детские голоса сменились уже более зрелыми звуками.

Обыкновенно зрительные впечатления воспринимаются быстрее, но, по-видимому, память лучше удерживает слуховые впечатления. Многие из нас слышанное помнят намного лучше прочитанного. Но многие писатели придерживаются того мнения, что в деле запоминания лекций зрение помогает слуху, потому что запоминается наружность лектора, его жесты, выражения; в конце концов, пожалуй, и мы согласимся с таким мнением. Но лекция кажется более "живой", если мы слышим ее, чем когда читаем ее впоследствии напечатанной. Конечно, лучше прочесть услышанную лекцию или проповедь, если это возможно, и таким образом воспользоваться особенностями обоих родов памяти, зрительной и слуховой.

Конечно, музыканты развили свой орган слуха до высокой степени, и их ухо может отличать едва уловимую дисгармонию или незначительную вариацию от верного звука скрипки. Но и многие другие развили эту способность до большого совершенства. Машинисты различают отклонение от обыкновенного, производимого машиной звука. Железнодорожные сторожа различают малейшую разницу в звуке рельсов при проходе поезда и узнают через это, что не все в порядке. Машинист сразу узнает перемену в шипении паровоза и сейчас же уменьшает давление. Старые лоцманы узнают свисток каждого парохода на своей реке, а жители больших городов распознают колокола различных церквей. Телеграфисты узнают на своей линии аппарат новой системы тотчас же, просто по неуловимой разнице в стуке.

В давно минувшие годы, когда письма еще были неизвестны, познания от одного поколения передавались изустно другому, от отца к сыну, от учителя к ученику. Слушатель должен был обладать величайшим вниманием и сосредоточенностью, чтобы сохранить таким образом изученное без изменений и передать в свою очередь ученику или сыну первого слушателя. Таким образом эти ученики в состоянии были повторять громадные тексты, - не изменяя и не пропуская ни одного слова. У древних греков поэмы передавались из поколения в поколение; то же было и с древнескандинавскими сказаниями. Точно так же сохранялись веками философские учения персов и индусов. Восточные учителя не доверялись камню и папирусу, но предпочитали тайные свои учения

неизгладимо запечатлевать в мозгу своих учеников, дабы они пребывали там, как живая истина.

Рассказывают, что две тысячи лет тому назад, какой-то китайский император позавидовал своим усопшим предкам и величию истории своего народа. Он повелел уничтожить все религиозные, исторические и философские памятники минувшего, дабы в будущем все имело начало со времени его воцарения. Он сжег все писанные и вырезанные записи в империи, включая и труды Конфуция. Прошедшая история народа была уничтожена и живет теперь в форме преданий, но труды Конфуция остаются существовать непоколебимыми благодаря изумительной памяти какого-то последователя Конфуция, сохранившего в своем разуме преподанные ему в юности учения и скрывавшего их до смерти нетерпимого императора, после которой учения великого философа были восстановлены по его памяти; она была так совершенна, что когда много лет спустя была найдена древняя рукопись Конфуция, каким-то чудом спасшаяся от костров императора, то увидели, что старый мудрец не пропустил ни одного слова. Современные китайцы воспользовались этим уроком, и некоторые писатели утверждают, что если бы теперь уничтожили всех китайских классиков, то целые миллионы китайцев завтра же восстановят их наизусть, несмотря на то, что это равняется восстановлению нашей библии. Такой же обычай сохранился и в Индии, где хотя и имеются рукописи, написанные за две тысячи лет, существуют, однако, ученики, которые удерживают в памяти великие философские трактаты, сохранившиеся со времен, когда еще письменность не была известна. Санскритский язык мертвый, но он сохранился в передаче религиозных и философских учений, - и сохранились не только слова, но и произношение, ударение и остановки. Говорят, что многие современные индусы могут рассказать наизусть веды, имеющие около миллиона слов. Нужны годы, чтобы запомнить столько слов, так как ежедневно заучивается лишь несколько строчек, которые заставляют повторять много раз. Урок выучивается изустной передачей, обращений к рукописям не допускается. Каббала, или тайное учение евреев передавалось тем же образом; то же говорят и про друидов.

Древние греки и римляне были последователями того же приема запоминаний, и приводятся примеры, когда граждане дословно повторяли слышанные важные речи. Согласно Макс Миллеру, весь текст и словарь санскритской грамматики Панини передавался изустно в продолжение 150 лет, пока не был записан. Один лишь труд этот по объему равен библии.

Существуют индусские священники, способные рассказать на память всю Магабарту, имеющую триста тысяч строк. Славянские баяны древних времен знали наизусть громадные эпические поэмы. А индейцы запоминают и передают свои мистические сказания нескончаемой длины. Древние законы Исландии не были записаны или напечатаны, но сохранились в памяти судей и законовевов страны. А легенды их повествуют, что законоведы тех времен держали в памяти не только законы, но и прецеденты, связанные с законами.

Конечно, теперь едва ли нужно такое проявление памяти, но мы не сомневаемся, что при необходимости современные люди могут достигнуть искусства древних.

Чтение вслух хорошо помогает запоминанию прочитанного и запечатлению в уме значения слов. Лонгеве говорит: "Чтение вслух придает такую силу анализу, которая неизвестна читающему про себя. Глаза, перебегаая страницы, пропускают скучные отрывки, скользят по опасным местам.

Но ухо слышит все. Оно пропусков не делает. Ухо нежнее, восприимчивее, чувствительнее в гораздо в большей степени, чем глаз. Слово, которое мы слегка пробегаем и не замечаем, возбуждает обширные предположения при чтении вслух".

## Глава VII. Упражнения в получении слуховых впечатлений

К сожалению, в современной жизни слишком пренебрегают упражнением слуха; развитый слух может доставить нам и большее развлечение и оказать услуги, так что мы сможем извлечь из него выгоду; слух может развиваться в гораздо большей степени, чем какое-либо другое чувство. Он может быть развит упражнениями и соответственным уходом и в то же время запущен при небрежности и невнимании. Индейцы обладают таким удивительным слухом или, вернее, так развили его, что слышат шаги приближающегося врага, приложив ухо к земле. Простой шелест листа или треск сучка отчетливо слышатся ими. Дирижер различает самую незначительную дисгармонию или уклонение от тона или размера в его оркестре и без затруднения укажет сделавшего ошибку. Слепцы, лишенные зрения,

развили слух до высших степеней. Он у них так остр или, точнее, у них так развито внимание и интерес к звукам, что они могут назвать предмет, мимо которого идут, по отзвуку своих собственных шагов и таким образом могут отличить спокойно стоящего человека от фонарного столба.

Много труднее указать упражнения для развития слуховых восприятий, чем составить упражнения для зрительных восприятий. Развитие слуховых восприятий по системе зрительных принесло бы нам немного пользы. Нас обвинили бы, пожалуй, в преподавании искусства подражания, чревовещания, вместо усовершенствования памяти. Вероятно вам известно, что чревовещатель может так ловко подражать звукам человеческого голоса, раздающегося с некоторого расстояния, что мы вполне поддаемся обману. Искусство его состоит не только в разумном воспроизведении звуков, но и в развитии такого совершенного слухового восприятия, что он может различать самые неуловимые различия в звуках и таким образом способен воспроизвести их. Таким даром обладают и многие дети и воспринимают так точно услышанные звуковые впечатления, что, сохранив их, они способны воспроизвести их всегда очень искусно.

В развитии слуха замечаются индивидуальные различия. Некоторые вообще обладают очень острым слухом или воспринимают звуки какого-нибудь определенного рода, но слабо восприимчивы или совсем не восприимчивы к музыкальным звукам, тогда как многие музыканты очень несовершенно различают посторонние звуки. Некоторые отлично различают звуки одного рода и с трудом звуки другого.

Положение, высказанное нами в одной из предшествовавших глав, что внимание и интерес необходимы, чтобы ум мог получать ясное впечатление, которое могло бы быстро вызваться, особенно справедливо в отношении слуховых впечатлений. Признанные авторитеты установили, что половина существующей глухоты - следствие невнимания>. Если это так, то вполне понятно, что развивать слуховые восприятия - это развивать внимание и интерес. Это будет более понятно, если мы вспомним, что мы обыкновенно совершенно невнимательны к звукам, занимаясь чем-нибудь Другим, так как в этом случае звуки, хотя и входят свободно в наше ухо, но разум наш, занятый иным, не сознает получаемого впечатления. Часто, однако, мы в состоянии припомнить сказанное в то время, когда мы не слушали. Это есть действие памяти предсознания, о которой мы говорили в одной из предыдущих глав.

К сожалению, в современной жизни слишком пренебрегают упражнением слуха; развитый слух может доставить нам и большее развлечение и оказать услуги, так что мы сможем извлечь из него выгоду; слух может развиваться в гораздо большей степени, чем какое-либо другое чувство. Он может быть развит упражнениями и соответственным уходом и в то же время запущен при небрежности и невнимании. Индейцы обладают таким удивительным слухом или, вернее, так развили его, что слышат шаги приближающегося врага, приложив ухо к земле. Простой шелест листа или треск сучка отчетливо слышатся ими. Дирижер различает самую незначительную дисгармонию или уклонение от тона или размера в его оркестре и без затруднения укажет сделавшего ошибку. Слепцы, лишенные зрения, развили слух до высших степеней. Он у них так остр или, точнее, у них так развито внимание и интерес к звукам, что они могут назвать предмет, мимо которого идут, по отзвуку своих собственных шагов и таким образом могут отличить спокойно стоящего человека от фонарного столба.

Ниже мы приведем несколько упражнений для развития слуха. Их цель - служить указанием упражняющемуся, который уже сам может изобрести по этому образцу другие.

#### **Упражнение 1**

При прохождении по улице старайтесь схватить и удержать на несколько мгновений отрывок разговора прохожих, услышанный вами. Вы будете удивлены количеству и разнообразию несогласованных между собой фраз, которые вы услышите и удержите в памяти после короткой практики. Все это - последствие внимания и интереса. Конечно, это упражнение ценно только для практики, потому что улавливаемые фразы едва ли будут иметь значение сами по себе, разве только, если вы не чужды человеческих слабостей.

#### **Упражнение 2**

Старайтесь различать голоса встречаемых людей и вспомнить голос, когда опять его услышите. Каждый человек имеет особый голос и очень интересно изучать различные типы голосов и их характерные черты. Вы заметите, что у каждого человека своя, присущая ему манера произносить и делать ударение на некоторых словах, вы также заметите, что люди различных стран и разных частей одной и той же страны обладают различной интонацией или особенностями произношения. Я знал людей, много путешествовавших, которые были в состоянии безошибочно определить, из какой части страны тот или другой человек, услышав его голос. Кроме того и характер человека часто отражается на его голосе, и изучающий этот вопрос сможет составить очень хорошее

представление о духовном облике говорящего. Я советую вам посвятить немного времени и внимания этому предмету в свободные минуты.

### **Упражнение 3**

Очень интересно стоять на месте, где нельзя видеть говорящих, и стараться различить их голоса и сопоставить их с лицами. Я слышал об игре, где несколько лиц садятся за занавеску или ширму и произносят некоторые слова, заставляя угадывать свои голоса. Находящиеся по другую сторону ширмы стараются угадать говорящих; говорят, что последствия бывают забавны, так как многие затрудняются различить голоса своих родных и лучших друзей, между тем как другие, внимательнее относящиеся к голосам, могут угадывать владельца каждого голоса.

### **Упражнение 4**

Мне была известна одна молодая женщина, служившая в громадном предприятии; она могла различить самую незначительную разницу в звуке шагов каждого, занятого в помещениях вдоль того же длинного коридора, как и она. Она уверяла, что каждая походка имеет свои характерные особенности и доходила даже до утверждения, что характер идущего обнаруживается в его поступи, звуке, происходящем от прикосновения ноги к полу. Для желающего изучать характеры и в тоже время развивать свой слух представляется обширная область.

### **Упражнение 5**

Очень полезное упражнение будет и в том, если прослушать несложную музыкальную вещь или простую мелодию, а потом пропеть или просвистеть ее. Как ни просто это кажется, но оно сильно помогает развитию слуха и разовьет попутно внимание к звукам. Желающие попробовать найдут, что у них развивается новый интерес к мелодиям, и будут наслаждаться музыкой лучше, чем прежде.

### **Упражнение 6**

Посещайте всевозможные лекции, проповеди т.п. и, относясь с наибольшим вниманием к каждой, старайтесь повторить затем все, что вы запомнили. Перечитывайте речи, разбирайте их и повторяйте возможно больше сказанных фраз. Это не только способствует развитию слуховых восприятий и памяти, но и один из наилучших способов стать умелым оратором. Студенты, долго посещающие любимого профессора, постепенно приобретают более или менее его стиль речи, а слушание хороших ораторов разовьет попутно с памятью слушателя и свободу выражения, значительно превышающую ту, которой он обладал раньше. Это особенно действенно, если ученик будет повторять изречения и выражения, слышанные им. Если упражняться в запоминании отрывков речей хороших ораторов и повторении возможно точнее не только слов, но и выражений, то он найдет, что развивает в себе силу выражений и суждений, которые принесут ему впоследствии пользу.

### **Упражнение 7**

Наилучший способ упражнять память в удержании и припоминании слышанного - это тот, который распространен у индусов и других народов в деле передачи их священных и философских учений, способ, которого мы уже касались раньше. Ключ к секрету этого чудесного метода состоит в начинании самого малого, постепенном прибавлении и частом повторении. В других главах этой книги мы подробно разберем эту систему в связи с практикой запоминания печатных страниц и т.д., в этой же главе мы только отчасти коснемся ее. Индусские учителя начинают с повторения ученику одной строчки из Вед. Последний основательно запоминает строчку, запечатлевая в своем уме слова и их значения, т.е. он видит каждое слово строчки, как будто оно стоит перед ним. Он может повторить строчку с начала и с конца, и знает место каждого слова. На следующий день он заучивает другую строку, после чего повторяет и первую, произнося ее вместе со второй, и соединяет их таким образом в своей памяти. На третий день прибавляется третья с повторением первых двух и присоединением третьей, и т.д. ежедневно по строчке. Повторение, конечно, очень важно, потому что заставляет ученика пересматривать выученное и углублять с каждым разом впечатление. Такие частые повторения служат также и для сглаживания строчек, потому что каждая строчка скрепляется с предшествующей и последующей, а все вместе кажется выученным одновременно, что придаст полноту составному впечатлению. Позже ученик может заучивать по две строки в день, затем по три и т.д., пока не приобретет невероятную способность. Но индусские ученые предостерегают от преждевременного заучивания слишком большого числа строк в день, потому что память должна приучаться к работе постепенно.

Изучающему этот труд и желающему развиваться в таком направлении, мы посоветовали бы попросить кого-нибудь читать ему ежедневно по строчке и повторять эту строчку, пока она окончательно не закрепится в его памяти. На следующий день ваш помощник должен заставить вас повторить первую строчку и выучить вторую, а затем повторить обе сразу.

Лучше начать со строчки какого-нибудь стихотворения. Прослушав строчку один раз, постарайтесь повторить ее. Если не можете повторить ясно и полно, прослушайте еще раз и т.д., пока не будете знать ее основательно. Затем повторите несколько раз, пока не убедитесь, что знаете ее, и постарайтесь сказать ее в обратном порядке. Если вы настолько запечатлели ее в памяти, что как бы видите перед собой слова, вам это не покажется трудным, раз вы приобретете навык. На второй день повторите выученную строчку раньше, чем приняться за другую; выучив эту, повторите обе сразу. В следующие дни прибавляйте ежедневно по строчке, имея в виду, что повторение - наиболее важное условие. Думайте о значении слов, так же как и о словах самих по себе, стараясь нарисовать умственную картину того, что описывается. Задаваться слишком многим сразу не следует. Строчка в день даст вам в скором времени материал, повторение которого будет не очень затруднять вас. Не следует относиться с пренебрежением к видимой простоте и легкости задачи. Это та же система, по которой индусские ученики учатся запоминать книги, равные по объему Библии. Постепенно, постоянным повторением они приобретают это искусство.

Мы вернемся к указанному индусскому методу в главе о "системе накопления", как было упомянуто в связи с запоминанием печатных страниц, но в этой главе, думаем, будет уместно обратить внимание читателя на тот факт, что это единственный способ запоминания того, что говорилось в вашем присутствии.

Вы учитесь не просто строки какой-нибудь поэмы, но вы развиваете и приучаете ухо и разум получать впечатления, сохранять их и вызывать. Вы найдете, что ваша слуховая память возрастает с каждым днем при таком образе действий. Труды ваши будут вознаграждены за это.

Если вы найдете, что интерес ваш к этим опытам ослабевает, то возьмитесь для разнообразия за другую поэму или предмет, но не забывайте повторять по временам и старые строчки. Перемена придаст опыту новую прелесть и поможет вам вернуться к старым строчкам с новым интересом.

## Глава VIII. Ассоциация мыслей

Способность памяти удерживать впечатления зависит в высокой степени и от предмета, подлежащего запоминанию, между тем как функции воспроизведения впечатлений зависят от ассоциации, при посредстве которой впечатление связано с другими воспринятыми ранее впечатлениями. Авторитетные психологи доходят до утверждения, что закон ассоциации играет в области психологии такую же роль, как закон тяготения в области физики. Одно из весьма важных условий развития способности памяти - это привычка к правильной ассоциации.

Многие из нас, вероятно, думают, что наши мысли, не регулируемые волей, возникают беспорядочно, не повинаясь никакому закону. Если мы не видим связи между последовательными группами мыслей, то это понятно. Однако такое мнение далеко от истины; хотя и не вполне ясно на первый взгляд, но все-таки есть связующее звено между двумя последовательными группами мыслей. Здесь проявляется так называемый закон ассоциаций, который так же неизменен, как закон причины и следствия, и так же постоянен, как закон тяготения. Порядок наших мыслей в такой же степени закономерен, как морские приливы и отливы. Наши мысли всегда, как бы то ни было, ассоциированы, хотя часто мы и не можем ясно проследить их связь. Они появляются группами, и каждая группа, в свою очередь, связана с другой группой.

В одной из предшествовавших глав мы говорили о важной роли внимания в деле развития памяти. После внимания ассоциация является наиболее деятельным фактором этого развития. Способность памяти удерживать впечатления зависит в высокой степени и от предмета, подлежащего запоминанию, между тем как функции воспроизведения впечатлений зависят от ассоциации, при посредстве которой впечатление связано с другими воспринятыми ранее впечатлениями. Авторитетные психологи доходят до утверждения, что закон ассоциации играет в области психологии такую же роль, как закон тяготения в области физики. Одно из весьма важных условий развития способности памяти - это привычка к правильной ассоциации.

У нас лучше сохраняются впечатления, когда мы сосредотачиваем внимание на предмете, нами рассматриваемом. При воспроизведении впечатлений получаются лучшие результаты, когда мы имеем возможность ассоциировать впечатление, которое хотим вспомнить, с одним или несколькими другими; чем более число согласованных впечатлений, тем легче припоминание. Пока мы не приобретем ясного впечатления, и припоминаемое впечатление не будет совершенно, пока впечатление не приведет в связь с другими впечатлениями, мы вовсе не будем в состоянии припомнить его.

Закон ассоциации основан на замечательном свойстве впечатления так соединяться с другими впечатлениями, что воспоминание одного впечатления непременно приведет за собой в поле сознания и другие впечатления, связанные с ним. Бэн говорит: "Ассоциации, которые в одиночку слишком слабы, чтобы вызвать воспоминание, действуют успешно в соединении".

Рибо установил, что "для основы ассоциации служат два главных факта - сходство и смежность".

Ассоциации по сходству зависимы от того факта, что впечатление, безразлично - новое или припоминаемое - имеет стремление восстанавливать ранее приобретенное впечатление, так или иначе с ним сходное, и таким образом оба связываются в памяти. Первое впечатление может вначале и не ассоциироваться непосредственно со вторым, последнее же может вызваться длинным рядом других ассоциаций, но как только они оба будут сопоставлены, они тесно ассоциируются и будут вызывать Друг друга без посредства длинного ряда необходимых до тех пор ассоциаций. Два впечатления могут восприниматься по отдельности, в различные промежутки времени и в различных местах, но если они тесно сближены сходством или вниманием, то они будут так тесно ассоциированы, как впечатления смежные по времени или пространству. Привычный разум быстро находит сходство, по-видимому, между даже сильно различными предметами, и это замеченное сходство запечатлевается в памяти. Для такой памяти нужен лишь какой-нибудь толчок, чтобы вызвать в области сознания длинную цепь ассоциированных мыслей, фактов, случаев, представлений и проч., с другой стороны небрежная память, не обращающая внимания на связь предметов, неспособна вспомнить отдельных впечатлений при посредстве законов ассоциации по сходству, а помнить лишь предметы, ассоциированные по смежности.

Ассоциацию по смежности можно сравнить как бы с пересчитыванием связи разнообразных бус именно в том порядке; как они нанизаны на нитке, между тем как ассоциация по сходству есть в некотором роде разборка содержимого в ящике, куда положили все, что относится к разбираемому вопросу, т.е. извлечение вещи за вещью в таком порядке, как они уложены, и не зависит от времени их приобретения.

Ассоциированные таким образом впечатления быстро припоминаются, если они нам понадобятся, причем случай является первой причиной припоминания всех сведений и собранных познаний по данному вопросу, запечатлевшемуся в нашей памяти.

Ассоциации по смежности зависимы от того факта, что впечатление, новое или повторное, имеет стремление вызывать другие впечатления, полученные одновременно или в непосредственной последовательности.

Впечатления, полученные в тесной последовательности, стремятся так ассоциироваться и соединяться, что воспоминание об одном обыкновенно вызывает и другие. Между двумя последовательными впечатлениями всегда существует сильная связь. Вообще можно утверждать, что вполне изолированного впечатления нет. В наличности каждое впечатление есть продолжение предшествующего и начало последующего. Рибо говорит: "Когда мы читаем или слышим фразу, например, в начале пятого слова чувствуется что-то, принадлежащее четвертому. Конец четвертого слова сталкивается с началом пятого". При ассоциации по смежности некоторые впечатления воспринимаются непосредственно друг за другом, и когда вспоминается одно, оно влечет за собой и другое, и т.д., от впечатления к впечатлению. Таким образом, легко повторить какое-нибудь знакомое изречение слово за словом, как они следуют в тексте, но для нас было бы затруднительно повторить его наоборот или назвать в отдельности все слова, составляющие его. В стихах конец каждого слова, согласуясь с началом следующего, облегчает повторение их в определенном порядке, потому что каждое слово подсказывает следующее. Ребенок может быстро сказать наизусть азбуку от А до Z, но заставьте его сказать от Z до А, и он не сможет, потому что не учил ее в таком порядке. Некоторые люди, приобретя достаточное умение в искусстве запоминания, могут повторять сотни слов с помощью этого вида ассоциации, но не в состоянии начать свое повторение с какой-нибудь середины. Лейден мог прочесть наизусть целый парламентский акт с начала и до конца, не пропуская ни слова, но не в состоянии был начать с произвольно указанного места, не прочтя предварительно предыдущего.

Многие выработанные системы мнемоники основаны на законе ассоциации по смежности: но хотя эти системы и другие, основанные на законе ассоциации по сходству, часто полезны для запоминания и остроумны, но все-таки они скоро оказываются затруднительными и запутанными и скорее затемняют, чем развивают память. Не стараясь следовать таким системам, изучающему, однако, было бы полезно упражнять способность восприятия согласованных впечатлений, потому что гораздо легче припомнить впечатления, если они тесно связаны по смежности с другими впечатлениями. Эта

способность может развиваться от упражнений, предназначенных сосредотачивать внимание на воспринимаемом впечатлении и на другом, тут же следующим за ним или предшествующим ему, так, чтобы они оба в полном смысле слова слились воедино. Потом можно прибавлять и другие впечатления, пока они все не свяжутся настолько, что воспоминание одного повлечет за собой и остальные. Чем теснее ассоциация, тем легче припоминание, чем скорее ассоциация возникла, тем прочнее связь. Если два впечатления не соединены быстро и тесно, всегда может случиться, что между ними появится непредвиденная мысль, которая и запутает ассоциацию по смежности.

Уяснение великого закона ассоциации впечатления показывает, что когда мы хотим сохранить единичный факт так, чтобы быстро припомнить его, мы должны ассоциировать его с каким-нибудь другим впечатлением, уже ранее воспринятым. Чем более мы можем ассоциировать какой-либо факт с другими, уже известными фактами, тем скорее предоставляется нам возможность припомнить его, и чем более ассоциация будет иметь впечатление, тем лучше.

Вещи, которые в действительности ассоциируются по смежности, но которые ассоциированы по сходству, могут быть ассоциированы по смежности припоминанием их по сходству несколько раз подряд в одном и том же порядке, потому что здесь они подпадают под закон ассоциации по смежности так же, как и под закон по сходству; чем сильнее и обширнее сходство, тем легче припоминание. Кажется, что ценное свойство помнить разнообразные факты, свойство, присущее начитанным и наблюдательным людям, обязано своим существованием тому обстоятельству, что люди эти могут находить сходство между совершенно различными фактами и способны быстро переходить от одной группы фактов к другой, что невозможно для человека, не развившего способности ассоциировать по сходству. Первые, действительно, схватывают свободный конец мысли и затем просто разматывают клубок.

## Глава IX. Вспоминать, припоминать и узнавать

Три слова заглавия этой главы часто употребляются для обозначения одного и того же процесса. Отчасти это верно относительно двух первых слов. Но каждое из этих слов выражает определенное понятие и обозначает различные процессы, происходящие в памяти. Словом "вспоминать" обозначается тот процесс, когда сохраняемые впечатления снова возвращаются в "сознание без усилия воли, лишь по ассоциации, сходству и пр. "Припоминать" же обозначает тот процесс, когда человек усилием воли старается вызвать сохраняемое впечатление. Вспоминать, на первый взгляд, явление чисто механическое, тогда как припоминать - действие волевое, сопровождаемое нередко громадным усилием. "Узнавать" обозначает процесс, когда мы слышим или видим вещь, которую мы знаем уже, слышали или видели раньше. Это сознательное ассоциирование впечатления, получаемого нами в данный момент с тем, которое мы получили раньше. Если мы видим предмет дважды и во второй раз "знаем", что видели его раньше, мы не узнаем его и память сохраняет два различных впечатления одного и того же предмета. Если впоследствии мы познаем тожество этих двух впечатлений, они сольются в одно. Авторитетами установлено три следующих закона воспоминания.

1. Свойство всех впечатлений - оживлять предшествовавшие впечатления однородного характера, но предшествовавшее впечатление не будет этим способом введено снова в сознание, если только оно недостаточно отчетливо или же было неоднократно вызываемо и таким образом усилено.
2. Впечатление, полученное с предшествовавшим, неосознаваемым однородным, и одним и тем же образом, будет сохраняться как отдельное впечатление. Но если предшествовавшее впечатление вызвано во время получения второго при сознании их однородности, оба впечатления ассоциируются в памяти и будут сохраняться вместе.
3. Когда восстанавливается одна часть ассоциированной группы впечатлений, другая часть при желании может восстановиться с наименьшей затратой усилий; восстановление одного впечатления облегчает восстановление любого впечатления, полученного одновременно с ним без отношения к сходству.

При рассматривании первого закона мы не должны забывать, что один человек может заметить сходство между видами, другой же не увидит никакого сходства.

Понятно, что разница эта исчезает при применении названного закона. Если сходство не замечено или не осознано, то в процессе воспоминания отсутствует и ассоциация.

Вообще процесс воспоминания является предсознательным, и мы не сознаем, что он происходит. Мы можем быть погруженными в свои мысли, которые будут проноситься в нашем сознании друг за другом, но мы не будем в это время сознавать их связи или ассоциации. Тем не менее мы часто в состоянии проследить их ход и можем увидеть

тончайшую связь между различными предметами наших мыслей. Мы можем начать со стола и кончить, думая о чем-нибудь совершенно другом, находящемся даже в отдаленной части света.

Когда мы вспоминаем что-нибудь, это обыкновенно случается потому, что ассоциация естественна, тесна и непосредственна. Когда же мы принуждены припомнить что-нибудь, мы должны прибегать к помощи воли, чтобы найти связь и ассоциацию между целым рядом предметов, пока не придем к утерянному впечатлению. Процесс воспоминания едва ли требует сознательного мышления, между тем как при процессе припоминания оно необходимо. Первый процесс непосредственный, второй же - зависимый.

Нами уже было сказано, что очень трудно снова вызывать впечатление, которое было воспринято поверхностно, между тем как сравнительно легко вызывается впечатление, воспринятое ясно и отчетливо при посредстве внимания. Но слабое впечатление может усиливаться от частого повторения, пока не сделается столь же отчетливым, как впечатление ясное с самого начала и столь же легко припоминаемое.

Впечатление, воспринятое при важных обстоятельствах, запечатлевается ясно и сравнительно легко припоминаются.

Я хочу обратить ваше внимание на одно важное обстоятельство, касающееся оживления впечатлений, и на вытекающее отсюда усиление первичных впечатлений путем частого оживления их. Вполне ясно, что суть всей силы процесса заключается в сознательном оживлении первичного впечатления, задерживании его в поле сознания при помощи внимания и отсылки обратно в хранилище предсознания подкрепленным новым количеством сосредоточенного в нем внимания. Сознательное оживление предшествующего впечатления вместе с новой долей сосредоточенного на нем внимания гораздо ценнее продолжительного рассматривания самого предмета, дающего это впечатление. Конечно, созерцать предмет несколько раз хорошо потому, что это открывает подробности, которые не были включены в первое впечатление. Нами уже было об этом сказано в главе о зрительных восприятиях и упражнениях.

Итак, когда при виде какого-нибудь предмета вы припоминаете какое-нибудь прежнее впечатление и таким образом ассоциируете его, старое впечатление делается частью нового, так что разделить их уже трудно. В нашей памяти масса неиспользованного, без дела лежащего материала, который мог бы принести нам большую пользу, если бы представился случай ассоциировать его. Мы иногда принимаемся за новый предмет размышлений и ассоциируем и соединяем группы несвязанных фактов, лежавших до сих пор без употребления в нашем психическом хранилище. Припоминание всегда сопровождается усилием воли найти цепь ассоциаций, которую мы желаем припомнить. Процесс этот, может быть, займет лишь долю секунды, так как ум работает быстро и цепь ассоциаций образуется скоро. Но часто проходит значительное время, прежде чем мы припомним желаемое: иногда же мы должны признать, что не в состоянии вызвать впечатление, хотя бывает и так, что предсознание, получив приказание, продолжает работать и вносить впечатление в область сознания, когда мы уже и забыли о желании вызвать его.

Припоминая впечатление, часто случается припоминать обстоятельства и место восприятия желаемого впечатления или то, что было до или непосредственно после припоминаемого. Разум инстинктивно напрягает все силы, чтобы закончить серию вызываемых впечатлений.

Что же касается узнавания, то мы должны различать две фазы - полное узнавание и частичное. Встречая человека, раньше нами виденного, мы узнаем его, т.е. вспоминаем его имя, кто он, чем занимается и пр. - иначе говоря, мы узнаем его полностью. Если же мы встречаем человека, лицо которого мы вспоминаем, но имя не помним, или узнавая лицо и вспоминая имя, не можем вспомнить, кто он и кем он был при нашей встрече, мы только частью узнали его. Мне случилось как-то слышать об одном господине, встретившемся с дамой, лицо которой хотя он и узнал, но вспомнить имя не мог. Он немедленно прибегнул к старому Способу: "Сударыня, я забыл, как пишется ваше имя; будьте добры напомнить мне". "С удовольствием, - ответила она, - оно пишется Д-ж-о-н-с". Когда мы встречаемся с человеком, обращающимся к нам и называющим нас по имени, но смутно нами узнаваемым, мы остаемся, в его обществе некоторое время, "подыскивая ему место", и затем какой-нибудь намек вдруг дает нам недостающую ассоциацию и мы ясно вспомним все, что мы когда-либо знали об этом господине.

Есть разница между воспоминанием и узнаванием. Нередко мы очень долго отыскиваем хорошо известную вещь и вдруг находим ее на месте, мимо которого проходили несколько раз и где не могли не "видеть" ее. Дело в том, что наша способность узнавать работала неудовлетворительно, и хотя мы видели предмет, но не могли узнать его. Обстоятельство это может быть устранено тем, что нам следует отчетливо нарисовать в уме предмет,

который мы ищем, и это даст нам возможность узнать его, как только он попадется нам на глаза. Такой способ применим к любому предмету, как бы знаком он ни был, потому что, если психический образ недостаточно ясен, мы не узнаем его, даже глядя на него, так как наша память заключает в себе только его имя, а не образ. Муж может долго искать в толпе свою жену и не находить, хотя он будет смотреть прямо на нее; его беспокойство стерло у него ее психический образ.